

Позади осталась беспокойная, полная невзгод ночь. Чжао Ци вместе с Тао разожгли костёр поблизости от лагеря Сяо Хоу и, не мудрствуя лукаво, легли спать.

Костёр негромко потрескивал, роняя искры. Чжао Ци приоткрыл глаза: сквозь густой мрак ночи в кустах поблёскивали несколько пар чьих-то любопытных глаз. Он скользнул взглядом ниже. Прямо перед ним, свернувшись на земле, устроился тот самый кустик травы Духэн. Растение забавно обнимало его своими листочками и плотно зажмурило крошечные глазки, похожие на чёрные бусины. Рядом тихо посапывал Тао — его грудь мерно поднималась и опускалась в такт спокойному детскому сну.

— Ступайте, — негромко прошептал Чжао Ци, глядя в сторону зарослей.

Огоньки чужих глаз тут же растаяли в беспросветной тьме.

Стоило ему вновь сомкнуть веки, как он явственно ощутил ровное, глубокое дыхание самой Чжуншань. Удивительное, ни на что не похожее чувство. Убаюканный этим живым ритмом, Чжао Ци окончательно погрузился в сон.

Проснулся он от возни. Тао крепко держал за рога молодого оленя, который отчаянно пытался вырваться. Завидев Чжао Ци, несчастный зверь испуганно моргнул и жалобно заблеял, словно умоляя о помощи.

Вид у лесного гостя был до того жалкий, что Чжао Ци просто не смог отвернуться. Он поспешно поднялся и подошёл к ним.

— Что здесь происходит?

— Олень, — отозвался Тао, и он азартно блеснул глазами. — Глупый на редкость.

Мальчишка принялся увлечённо объяснять, насколько бестолковой оказалась добыча: зверь сидел в зарослях до последнего и даже не подумал сбежать, когда они подошли. Тао просто протянул руку и схватил его за рога.

— Мы ведь зажарим его сегодня? — с надеждой спросил ребёнок, преданно заглядывая Чжао Ци в лицо. — Мне так интересно, каков олень на вкус!

Мальчик светился искренним нетерпением. Но и зверь смотрел не менее выразительно — правда, с неподдельным ужасом. Оказавшись под перекрёстным огнём этих двух выразительных взглядов, Чжао Ци смущённо кашлянул.

— Послушай, Тао... Это ведь единственный олень во всей Чжуншань. Он просто пришёл навестить меня. Отпусти его, ладно?

— Эй, Чжао Ци! Проснулся наконец!

Чжао Ци обернулся. К ним приближался Сяо Хоу, а за его спиной весело переговаривалась целая толпа. Люди улыбались, их руки были заняты сушняком, дикими плодами и битой птицей — судя по всему, они поднялись ни свет ни заря, чтобы набрать припасов. Тао недовольно надулся, но послушно разжал пальцы. Олень, вместо того чтобы опрометью броситься в чащу, глуповато замер на месте, а затем и вовсе робко ткнулся влажным носом в ладонь Чжао Ци.

Люди свалили сухие ветки в кучу, и Тао, достав заветное красное перо Чжао Ци, высек пламя. Вспыхнувший огонь до смерти напугал оленя, и тот мгновенно растворился в густом подлеске. Чжао Ци огляделся по сторонам, но вчерашнего навязчивого кустика травы Духэн поблизости уже не было.

— Спасибо вам за вчерашнее, — обратился Чжао Ци к обступившим его людям. — Позвольте сегодня мне угостить вас обедом. Я покажу, на что способен.

— Ого! — донёсся чей-то восторженный возглас. — Дедушка Ли, а помнишь те вяленые ломтики, что ты приносил? До сих пор слюнки текут, как вспомню!

Старик по имени Ли добродушно погладил седую бороду. Улыбаясь, он перевёл взгляд с Чжао Ци на Тао и спросил, по душе ли им такое лакомство. Стоило обоим кивнуть, как старик, явно довольный, бросил в костёр охапку сухих листьев. Над кострищем тут же поднялся густой сизый дым.

Пальцы дедушки Ли, сухие и узловатые, точно старые ветви, двигались на удивление проворно. На глазах у всех он быстро выпотрошил и ощипал птиц, насадил их на вертела и укрепил высоко над костром, пуская на тушки ароматный дым. Готовка требовала времени, поэтому люди поудобнее устроились вокруг огня и завели неспешную беседу.

Первым заговорил круглолицый парень. Смущённо улыбаясь, он произнёс:

— Я, пожалуй, откажусь от угощения. Пора возвращаться в родные края. Спасибо вам всем, что приглядывали за мной. И тебе, Чжао Ци, отдельный поклон — за то, что поделился плодами травы Духэн! Я ушёл из дома много дней назад, матушка уже, небось, все глаза выплакала от беспокойства.

Парень улыбался тепло и простодушно, и его слова встретили живое одобрение среди собравшихся. Большинство тех, кто пришёл на Колокольную гору вместе с Сяо Хоу, тоже собирались в обратный путь.

Чжао Ци нащупал в кармане оставшиеся плоды травы Духэн. Набравшись смелости, он спросил у Сяо Хоу:

— Ты говорил, что ваш лагерь стоял у самого подножия. Скажи, все, кто пришёл с тобой, смогли получить плоды травы Духэн?

— Все до единого! — расплылся в улыбке Сяо Хоу. — Каждому досталось по плоду травы Духэн! Правда, теперь дороги наши расходятся...

— Чего нос повесил, парень? Радоваться надо, — дедушка Ли перевернул тушки над дымом и негромко закашлялся. На мгновение он устремил взгляд на подёрнутые дымкой горные вершины. — Наконец-то и я смогу обнять свою крошку Нянь.

Заметив интерес на лицах Чжао Ци и Тао, старик тихо вздохнул. Он окинул молодых людей долгим, отеческим взглядом. Наверное, к его возвращению внука успела вытянуться и стать совсем взрослой.

— Так вы проделали этот путь ради внучки? — спросил Чжао Ци. — Позвольте узнать, что за напасть с ней приключилась? Каким ядом она уязвилась?

Старик задумчиво потерев бороду, мысленно возвращаясь в тот злополучный день. Они с внучкой искали съестное у самой кромки воды, когда из глубины внезапно метнулась жуткая, хищная рыбина. Тварь едва не вцепилась в деда, но Нянь, пытаясь вытащить его на берег, приняла удар на себя. С тех пор девочка угасала на глазах, лишившись былой радости и сил.

— Мы с родителями Нянь разделились и пошли в разные стороны, — продолжал старик. — Договорились: тот, кто первым добудет лекарство, сразу возвращается домой. Теперь, когда у меня есть этот плод травы Духэн, исцеляющий любой недуг, нам больше нечего бояться.

Лицо дедушки Ли разгладилось, он прищурился от счастливой улыбки. Однако Чжао Ци и Тао лишь тревожно переглянулись. Чжао Ци осторожно описал, как выглядит рыба Бэй, и старик усердно закивал головой в знак согласия.

— Да-да, именно эта проклятая рыба Бэй её и укусила! — воскликнул старик.

— Дедушка Ли, тогда вам нельзя терять ни минуты, — поторопил его Чжао Ци. — Бегите скорее назад, дайте ей это снадобье.

— Верно говорят! — подхватили остальные. — Обойдёмся мы без этого мяса, не беспокойся!

— Да, до земель племени Юнь путь неблизкий, ступай прямо сейчас!

Старик утёр набежавшую слезу и поднялся. Тронутый такой заботой, он благодарно закивал, завернул нехитрые пожитки в широкие листья и повернулся к Чжао Ци:

— Спасибо тебе, сынок! Огромное спасибо! Теперь я хотя бы знаю, как зовётся эта проклятая тварь!

С этими словами дедушка Ли торопливо начал спускаться со склона Чжуншань, на ходу маша рукой остающимся позади товарищам.

Чжао Ци молча посмотрел на Тао. Мальчик едва заметно, печально кивнул в ответ. Он тихо, обречённо вздохнул. С момента укуса рыбы Бэй до смерти жертвы должно было пройти не больше двадцати дней. Этот срок... давно истёк.

Вслед за старейшиной лагерь один за другим покинули и остальные искатели. Вскоре у догорающего костра остался лишь один человек, молча переворачивающий над углями насаженную на прутья дичь.

Чжао Ци подбросил в огонь несколько сухих веток и мягко спросил Сяо Хоу:

— Все разошлись. А ты почему остаёшься?

— Я не уйду, — Сяо Хоу смущённо поскрёб затылок. — Я бы хотел пойти с вами... Если вы, конечно, не против.

Парень опустил голову. Родное кочевье Сяо Хоу находилось слишком далеко, близких у него не осталось, и теперь, когда смертельный недуг отступил, он попросту не знал, куда податься.

— Хорошо, — улыбнулся Чжао Ци.

— Ну уж нет! — тут же отрезал Тао.

Чжао Ци укоризненно взглянул на названного брата. Встретившись с ним взглядом, Тао насупился и устался в землю, укрывшись за упавшей на лоб чёлкой. Выглядел он при этом утомительно и одновременно жалко. Чжао Ци ласково взъерошил ему волосы и повернулся к Сяо Хоу, который застыл в томительном ожидании:

— Ты можешь остаться и помочь мне. А это мой младший брат, Чжао Тао-тао. В охоте ему равных нет.

Сяо Хоу от радости едва не подпрыгнул на месте, его вытянутое лицо так и сияло. Он с восхищением устался на притаившегося Тао и скользнул взглядом по его длинному чешуйчатому хвосту:

— Тао и вправду невероятный! Когда я был в его возрасте, мне бы и в голову не пришло выйти на зверя в одиночку. Потрясающе!

«Ещё чего», — недовольно подумал Тао, проигнорировав лесть. Этот незванный гость явился бог весть откуда и теперь не собирался уходить. Неужели он решил навязаться им третьим лишним?

Чжао Ци притянул бунтующего мальчишку к себе. За сутки блужданий по густым зарослям шевелюра Тао превратилась в сущее воронье гнездо. Посадив упрянца перед собой, он принялся терпеливо распутывать и заново собирать его волосы:

— Помнишь, вчера я обещал помочь траве Духэн с опылением? Цветов на горах великое множество, одному мне ни за что не справиться. Ты ведь поможешь мне, правда?

Тао усердно закивал, из-за чего едва собранные пряди снова выскользнули из рук Чжао Ци. Тот лишь беззлобно рассмеялся и попросил его не вертеться.

— Сяо Хоу, ты ведь пришёл на Колокольную гору раньше нашего, — закончив с причёской, обратился к нему Чжао Ци. — Покажешь нам окрестности?

— И ещё... вот это, — Тао протянул Чжао Ци зеленоватый камень, который подобрал с земли. — Циньпи уверял, что это нефрит Чжуншань.

Чжао Ци взял искусно обточенный минерал и спрятал его в карман. К этому моменту его рубаха превратилась в сущие лохмотья, обувь сгинула где-то на горных тропах, и из всей одежды на нём уцелели лишь потрёпанные штаны.

— Идёмте, я покажу вам одно удивительное место, — воодушевлённо отозвался Сяо Хоу.

Склоны Чжуншань поднимались плавно и полого. С одной стороны холмы укрывал густой зелёный ковёр кустарников, тогда как противоположный склон из-за многовековых яростных сражений Циньпи и Гу представлял собой выжженную, безжизненную пустошь, покрытую толстым слоем чёрного пепла.

Сяо Хоу действительно знал гору как свои пять пальцев. Свернув на едва заметную тропку, он быстро вывел спутников к чистому горному ручью. Они пошли вниз по течению и вскоре оказались на небольшом каменистом плато. Увидев то, что лежало впереди, Чжао Ци невольно замер. По всей низине белели многочисленные человеческие останки.

— Неужели это те... кто безуспешно пытался отыскать травы Духэн? — потрясённо спросил он.

— Да, — тихо подтвердил проводник. — Кто-то умер от истощения и превратился в прах, кого-то загрызло дикое зверье.

Сердце Чжао Ци сжалось от жалости. Словно повинувшись его безмолвному порыву, земля под ногами глухо вздрогнула. Сяо Хоу испуганно отшатнулся, а Тао лишь спокойно поднял взгляд на названного брата.

В сухой почве с негромким гулом пролегла глубокая трещина. Чжао Ци опустил на колени и принялся бережно опускать в неё побелевшие кости. Сяо Хоу растерянно наблюдал за происходящим, не в силах сдвинуться с места, но Тао без лишних слов опустил рядом и стал помогать.

На плато покоилось больше десятка бедолаг — и совсем юных, и глубоких стариков. Чжао Ци с глубоким почтением предавал земле каждую косточку. Когда последний осколок обрёл покой, Чжао Ци сосредоточенно нахмурился, и земной зев послушно, бесшумно сомкнулся обратно.

Найдя поблизости массивный плоский валун, Чжао Ци водрузил его над могилой на манер надгробия. Сделав шаг назад, он низко поклонился усыпальнице тех, кто шёл сюда, окрылённый надеждой на спасение, но встретил лишь безжалостную смерть.

Сяо Хоу шумно вздохнул и покачал головой:

— Я ведь и сам думал, что останусь лежать здесь, среди них... Какое счастье, что судьба свела нас с тобой, Чжао Ци! Ты просто невероятный.

То, как легко эти двое отыскивали капризную траву Духэн и раздобыли её плоды, едва ступив на гору, нельзя было списать на слепую удачу. Сяо Хоу был уверен: Чжао Ци отмечен благословением самих Небес. Но ещё больше его восхищала внутренняя сила этого человека — именно поэтому он так отчаянно хотел следовать за ним.

— Если бы не ты, моя жизнь оборвалась бы здесь.

Чжао Ци ответил ещё одним глубоким поклоном. Он не мог без содрогания думать о том, какие муки отчаяния пережили эти люди перед смертью и сколько долгих лет их останки омывали дожди и обдували холодные ветры Чжуншань.

— Тао, поклонись им тоже, — негромко попросил он мальчика. — Там, откуда я родом, ушедших всегда провожают с миром и помнят о них.

Тао на мгновение замялся, но, встретив серьёзный взгляд брата, смиренно склонил голову перед безмолвным надгробием.

Из каменистой почвы позади каменной плиты внезапно проклюнулись нежные изумрудные ростки. Чжао Ци посмотрел на них, покачал головой — этого было мало. Он извлёк из кармана тёмные косточки плодов травы Духэн и бережно зарыл их в землю у подножия памятника.

— Пусть там, за чертой, вас больше никогда не потревожат ни голод, ни недуги.

Сяо Хоу неловко поскрёб макушку. Торжественная, печальная атмосфера этого мгновения передалась и ему. Глядя на серую плиту, он тоже молча склонился в почтительном поклоне.

Оставив плато позади, путники двинулись в обход горы. Пройдя по извилистой каменистой гряде, они вышли к южному склону. Из-за крутизны сюда редко добирались искатели, и потому здесь вовсю зеленели кусты дикой травы Духэн, чьи сочные стебли мерно колыхались под дуновением горного ветра.

— Неужели ты... стал божеством этой горы? — изумлённо выдохнул Сяо Хоу.

— Да ну, какое там божество, — рассмеялся Чжао Ци. — Скорее, я просто научился понимать Чжуншань. Чувствую её, могу говорить с птицами и травами.

Будто в подтверждение его слов, из-за ближайшего холма неторопливо показался тот самый давешний олень. Смешно пожёвывая зажатую в зубах зелёную веточку сычуаньского перца, он бесцеремонно распугал притаившиеся в зарослях кустики Духэн и преспокойно устоялся на Чжао Ци своим глуповатым, блестящим взглядом.

<http://bllate.org/book/18215/1752694>